

От реципиента к носителю дара: преодоление „комплекса ученика“ перед греческим православием как задача славянской педагогической психологии и нравственного богословия

Иеромонах Софроний (И.В. Горохольский)

Доклад на пленарном заседании в Саратовской православной духовной семинарии (19 мая), в рамках Межрегионального форума «Дни славянской письменности и культуры», г. Саратов, 17–24 мая 2026 г.

Вступление. Посмотрим на паломника, любующегося видами одного греческого монастыря — возможно серба или россиянина, белоруса или украинца. Что он скажет, вернувшись на свою родину? Те самые, глубоко прижившиеся мнения, выдающие чувство вторичности славянского православия: «Настоящее старчество — только на Афоне, не то, что у нас...», «Там я такую благодать ощутил!», «Святость даже кожей чувствуется!», «Какое у них вино, лукум и ладан!» и много чего подобного.

Аннотация. Убеждённость культурно-нравственной и духовной неполноценности прочно утвердилась в сознании всего славянского православия так, что стала частью менталитета и «генетического кода». На уровне образования и катехизации так закрепляется позиция пассивного «реципиента»: подлинная традиция там, у истоков, а мы — хранители переданного. Из этого недоосознанного «комплекса вечного ученика» рождаются две равно разрушительные крайности — робкое копирование византийских форм, подобострастное поклонение, либо националистический бунт против вселенских корней.

Цель выступления — показать, что славянская аскетико-педагогическая традиция является не простой ретрансляцией греческого опыта, а творческим самобытным синтезом культур, этико-духовным усвоением принятого вероучения, и предложить практические психолого-образовательные приёмы для воспитания в славянской личности осознания носителя дара.

Для этого воспользуемся методом критического анализа и системным подходом.

Ключевые слова: нравственное богословие, педагогическая психология, славянское православие, греческое православие, комплекс неполноценности, духовное достоинство.

Этико-богословское исследование проф. С.М. Зарина, основываясь на Святоотеческом Предании, описывает три ступени религиозно-нравственного возрастания: раб исполняет заповеди из страха, наёмник — ради награды, сын Божий — по любви¹. Давайте применим эту трёхчастную схему к пониманию смысловых основ духовно-нравственного развития наших церковных народов. Посмотрим на таблицу 1. К сожалению, в основном общества находятся в состоянии раба. В периоды расцвета церковно-религиозной жизни бывают

недолгие подъёмы на ступень выше — до наёмника. Сынами становятся только единицы, но они оказывают большое влияние на процесс духовного пробуждения остальных людей. Понятно, что для достижения поставленной задачи нам надо работать на первой ступени.

Таблица 1. Богословская опора: от «раба» к «сыну»

Ступень	Индивид	Церковный народ (община/поместная Церковь)
Раб	Исполняет заповеди из страха наказания; внешняя дисциплина	Религиозность держится на страхе перед природными бедствиями, социальным осуждением, наказанием свыше; обрядоверие; формальная принадлежность к Церкви как «традиция»
Наёмник	Действует ради награды: здоровья, успеха, спасения «по договору»	Религиозная жизнь мотивируется идеей «благочестивый народ благоденствует»; Церковь воспринимается как гарант социальной стабильности, нравственности, национальной идентичности; молитва и добрые дела — вклад в «копилку» общего благополучия
Сын	Живёт по любви к Богу и людям, без торга и страха; обладает свободой чад Божиих	Народ как община любви, где вера является внутренней ценностью, а святость — целью; открытость к самопожертвованию ради Христа, милосердию, миссии без прагматического расчёта; свидетельство о Христе не ради исторического успеха, а от избытка сердца

Не совсем одинокие голоса в мире современной науки все больше говорят о необходимости глубокого изучения накопленного материала и не искаженно-интерпретативного, а правдивого изложения данных. Док-р. наук, профессор С.А. Иванов прямо указывает: «некритическое принятие специалистами в разных областях тезиса о том, что Византия постоянно стремилась к распространению своей религии, заставляет их совершать насилие над наблюдаемыми ими фактами, дабы как-нибудь примирить их с этим априорным допущением... Например, исследователи истории венгерского языка недоумевают по поводу отсутствия греческого пласта в мадьярской христианской лексике; историки Руси спорят о странном поведении князя Владимира, которому пришлось даже захватить Херсон, чтобы добиться для себя крещения; многие исследователи Кавказа исходят как из чего-то само собой разумеющегося, что Византия не могла не стараться обратить все кавказские племена...»² На самом деле «христианизаторство не было не только главной, но и сколько-нибудь существенной частью византийской внешнеполитической стратегии».³ Однако, равноап. Константин «твёрдо верил в то, что крещения достойны все народы и что все языки равно созданы Богом, однако это не значит, будто для него понятие “варвар” было нерелевантное...».⁴

Многие ли знают, что мы приняли христианство не от Восточной, а Западной Церкви? До связи с Константинополем в Киеве уже активно действовала итальянская миссия.⁵ Но в итоге ум и сердце князя Владимира склонились к восточной традиции. Важно: **выбрали не нас, а выбрали мы**, чтобы

стать равноправными сонаследниками Бога. Этот тезис очень важен для формирования внутренней, отсутствующей содержательной самооценности наших православных народов. Предки-язычники — те, кто принял зов Христа. При этом наше идолопоклонство было ничем не хуже и не лучше дохристианской культуры германцев, кельтов и балтов.⁶

Изначально понятие — «народ Божий» у евреев и на иврите — עם האלהים (им ха-Элохим) переводится «с Богом» (в качестве принадлежности Ему) и понимается как избранность прежде всего для единственной цели — рождения Христа. Со временем в психолого-педагогическом ключе и философском понимании оно развилось до сионизма, секулярного сионизма, антисионизма и позитивного возврата к сионизму. Раввин Кук называет текущую историю этапом антитезы, в котором возрождение Израиля должно быть антигалутным и антирелигиозным, что подготовит народ для синтеза и откроет возможность избавления.⁷

Однако, в сознании наших стран евреи (как и греки, испытывающие кризисы веры, упадки монашества, влияние секуляризма) продолжают оставаться феноменом этико-этнического первородства, несмотря на то, что и славянам, принявшим благовестие, прямо сказано: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой Свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Пет. 2, 9–10). Возникает вопрос. Как нравственное богословие в теологической педагогике и педагогическая психология развития включают этот основополагающее утверждение в свои методики для изучения понятия духовного достоинства народа и его воспитания? Ведь «достоинство не есть результат [этико-духовных] заслуг, но есть изначальное требование их... Самосознание человека как существа достойного обуславливается обязывающей благодарностью человеколюбивому Творцу, дарящему достоинство – душу – свое дыхание...»⁸ Именно такое объяснение онтологического достоинства славянина и нравственных условий соответствия ему должно нам поставить в центр формирования системы ценностных ориентаций личности в процессе образования и воспитания.

Во время поиска новых смыслов исторического развития актуальны взгляды таких церковных авторов, как митрополит Антоний (Храповицкий): «Существенное различие патриотизма русского да и вообще патриотизма восточных народов и культур, от патриотизма племен и государств западных, выросших на началах римского язычества, заключается в том, что для последних самосохранение и внешнее усиление государства или племени является конечным предметом их вожделений, высшей целью их деятельности... Самосознание русское, народное – есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное».⁹

Мы предлагаем не останавливаться на пути «из варяг в греки», а упомянутую *богословскую опору: от «раба» к «сыну»* сделать инструментарием психолого-педагогического национального воспитания для смыслового наполнения понятия славянской идентичности, с помощью которого личность,

вместе с народом, не интуитивно или нарративно, а качественно усваивают понимание собственной ценности как образа Божия, принимают ответственность и благодарят. Личность становится ипостасной частью народа Божия, не обесцениваясь в нем, а вместе духовно-нравственно преображаясь во Христе, освещают мир во зле полнотой добродетели царского священства (См.: Мф. 5, 16; 1 Ин. 5, 19; 1 Пет. 2, 9).

Для этого есть всё: от тысячелетней истории и научного опыта до феномена славянской души. Методически предлагаем уточнять ценностные профили известных фактов в качестве создания крепкой основы аксиологического идентитета.

К примеру, в преподавательских разработках о прп. Сергии Радонежском предлагаются определённые сюжеты его биографии, но при этом не акцентируется, почему его называли духовным собирателем русского народа, о его идее и практике «высокого жития», отказе от греческой традиции физического истязания плоти, об идее «внутренней свободы», ставшей выражением важнейшего качества русского национального самосознания и со временем очень сильно влиявшей на русскую религиозно-философскую мысль и художественную литературу.

К сожалению, перечисления исторической хроники в учебных пособиях не открывают святого и как первого русского мистика, по-своему освоившего восточные традиции, к которым прибавился личный опыт откровений и их трактований.

Впервые в русской религиозно-философской мысли прп. Сергей интерпретировал догмат о Святой Троице в символ единства народа, показав, как должно строиться человеческое общество. С.В. Перевезёнец подчеркивает: «В религиозно-философском смысле, этот образ, как идеал земного бытия, открывал путь для снятия самой дилеммы — национальное или вселенское. Путь этот был связан с освоением опыта Вселенской Церкви через укрепление и развитие собственных национальных начал в Русской Церкви».¹⁰

Другой пример. Сербский святой прп. Иустин (Попович) осуществил синтез Святоотеческого Предания и европейского персонализма, дав ответ на вызовы собственными оригинальными концепциями (теогуманизмом), в отличие от греческого богословия до сего дня. Но в славянских странах его наследие остаётся мало изученным. А как актуальны слова: «просвещение без святости — продукт гуманистической культуры, посеявший трагический конфликт между школой и Церковью, который нуждается в скорейшем преодолении».¹¹

Исследователь И.Б. Гаврилов ещё выделяет такие мысли святого: «Церковь — это «кузница времени», перековывающая временное в вечное, «искупающая» время. В Церкви, по мысли прп. Иустина, существует только вечное настоящее, и каждый человек в действительности реален в той мере, в какой он принадлежит к Церкви. Однако Церковь не статична, и сама развивается в истории. Кроме того, она является самым совершенным социумом и антитезой секулярному объединению человечества, получившему наименование глобализации».¹²

Особенно наглядно для педагогики и психологической интроспекции творческий характер славянского усвоения веры проявляется при рассматривании подвига древних мучеников и наших современников — новомучеников XX в. При единстве сути — свидетельства о Христе до смерти — различаются характер выбора и психологическая структура подвига. Древнему мученику эпохи Дёкия или Диоклетиана предлагался прямой выбор: отречение от Христа либо принесение жертвы идолам или пытки и смерть. У новомучеников ситуация была иной: от них, как правило, не требовали прямого отречения, а через косвенные намёки подталкивали к малой лжи — подписям под ложными обвинениями, осуждению и клевете на других, молчаливому согласию, которое исподволь вело к отпадению. Целью богоборцев было сломить не просто психологически, а духовно, — уничтожив сердечную веру в Бога. Для этого часто пользовались не физическими мучениями, а моральными, такими как допросы «по кругу» и другие условия содержания в тюрьмах.

Архимандрит Дамаскин (Орловский) подчёркивает, что «мученики XX столетия — это духовная элита нашего народа, избранное духовное общество, святое и свободное, глядя на которое можно по справедливости сказать: наш народ не зря прожил жизнь, у него были великие христианские нравственные идеалы, за которые каждый из этих подвижников готов был отдать — и отдавал — свою жизнь».¹³ Если древние мученики ярко свидетельствовали о Воскресении, то новомученикам часто выпадало свидетельствовать и о Голгофе — о верности в неизвестности, в лагерях и подвалах, без зрителей и без явного врага. Это не повторение греческих образцов, ***а новый дар святости российского народа Божьего, Русской Церкви Вселенскому Православию.*** Это подвиг верности в условиях, когда зло маскируется под закон и быт.

А.Л. Беглов думает, что подобная аксиология поколения мучеников и исповедников Российских и есть их главное завещание нам, требующее нашего всемерного внимания и осмысления.¹⁴ Добавим, что использование в педагогической практике интересных, наиболее восстановленных биографий святых полезно в качестве примеров удивительной духовной твёрдости, стояния в вере, особом способе ненасильственного противления злу, отстаивающих высшие ценности, и в итоге — победивших.

Культурно-историческая психология Л.С. Выготского даёт нашему богословскому видению точное научное обоснование. Предлагаем вспомнить термин «вращивание», позже заменённый на заграничный «интериоризация», который в настоящее время по замечанию исследователей «описывает чуть ли не любую трансформацию... предметного в психическое».¹⁵ У Выготского же вращивание относится к четвёртому этапу психогенеза культурного поведения, где внешние приёмы деятельности становятся внутренними, проникают в смысловое поле сознания.¹⁶

По словам учёного, вращивание есть конкретная разновидность интериоризации¹⁷ и характеризуется уходом высших психологических функций из поля сотрудничества внутрь — в индивидуальное сознание. Приемы и знаковые средства социальной деятельности вырастают в психику, функции

интерпсихические превращаются в интрапсихические, как того требует общий генетический закон культурного развития.

Учёный выделяет среди прочих типов сращивания три главных: вращивание стимула целиком (картинка → память), вращивание по типу шва (внешний стимул выключается после перехода внутрь, счёт на пальцах → счёт в уме), усвоение структуры внешней операции с образованием внутренней схемы (стимул ↔ разные образы памяти, с возможностью развития. Это про внутренний опыт, многообразную систему представлений, следовых стимулов).¹⁸

Третий тип особенно ценен для нас. Здесь происходит переход внешней культурной формы во внутренний план с творческой трансформацией. Данный подход хорошо коррелирует с аскетическими методами теологии нравственности и предложенной богословской опорой.

Несмотря на то, что нравственное богословие и педагогическая психология с разных сторон изучают один и тот же предмет — процесс нравственного становления человека и условия, которые этому способствуют, — дисциплинам вместе совсем не сложно включиться в динамический процесс общественной самоидентификации, самовосприятия и сделать его объективно позитивным.

Рассмотрим психолого-образовательные приёмы воздействия на природу психических функций человека для воспитания в славянской личности осознания ею себя достойной восприимчивой. Как это сделать? Вызвать эмоцию. Лев Семёнович Выготский доказывает: «...именно эмоциональные реакции должны составить основу воспитательного процесса. Прежде чем сообщить то или иное знание, учитель должен вызвать соответствующую эмоцию ученика и позаботиться о том, чтобы эта эмоция связалась с новым знанием. Только то знание может привиться, которое прошло через чувство ученика. Все остальное есть мертвое знание, убивающее всякое живое отношение к миру».¹⁹

Для воспитания «носителя дара» предлагаю три методических приёма.

Первый. «От узнавания — к родству». При изучении византийского и иного иностранного материала необходимо показывать, как он был духовно-творчески преображён предками.

Давайте расскажем о празднике Покрова Богородицы подтверждённую историческую версию того, что никакие сарацины на Константинополь не нападали (не указано в греческих источниках). Это были викинги Олега Вещего, предводителя страшного для греков славянского войска, которые незадолго до чудесного события совершили грабительский набег на Константинополь и теперь прислали послов.²⁰ В 911 году был подписан мирный договор между Русью и Византией.²¹ Неизвестно, какие события сопровождали переговоры, но вероятно, что именно общая тревога греков послужила причиной явления Божией Матери, из которого следовало, что Она предстательствует перед Господом за греческое православное царство, старавшееся быстрее забыть всё, связанное с нашими свирепыми предками так, что праздник Покрова не существовал в их церковном календаре до XIX в., да и сейчас празднуется рядовым обычаем.²²

Примечательно, что блаженный Андрей, бывший очевидцем видения, — потомок славян, а явившиеся ап. Иоанн Богослов и св. Иоанн Предтеча имеют имена, ставшие популярными на Руси.

Будем на уроках обращать внимание, как проявилось благородство русского духа через князя Андрея Боголюбского, впечатлившегося этим чудом и распространившего его историю на Руси.

В день Покрова Русская Православная Церковь празднует поражение славянского (языческого) оружия наших предков заступничеством Пресвятой Богородицы и одновременно свидетельство Её любви ко всем верующим, к нам, славянам, принявшим Её в свои сердца, почитающим своей Небесной Матерью, простершей свой Покров над русским миром.²³

Поэтому этот праздник имеет такое большое воспитательное значение, а его история показывает нас более благодарными и близкими сынами Божьими. Славянское узнавание истины не исказило оригинал, а выявило его сотериологическое измерение. Это характерный пример того, что славянская традиция восполнила греческий образец новым, глубоким содержанием, оставаясь в границах Предания.

Автор свидетельствует на своём опыте то, как дети и взрослые реагируют на такое «непривычное» повествование. Они рефлексиируют и обретают чувство твёрдой психологической опоры в социальном сознании.

Перейдём ко второму методическому приёму «Житийный диалог». Суть его проста, но тоже требует некоторого смещения привычной оптики. Мы часто рассказываем жития святых последовательно, одно за другим, по хронологии или по чинам святости: сначала древние, потом русские святые. При таком подходе у учащегося невольно складывается впечатление, что греческие святые — это некий непревзойдённый эталон, а наши — их более или менее удачное повторение.

«Житийный диалог» предлагает иное: сопоставлять биографии греческих и святых славянского мира по принципу различного воплощения одной и той же евангельской добродетели. Предлагаем сравнение двух носителей добродетели милосердия.

Святитель Иоанн Милостивый — патриарх Александрийский, живший в VII веке, грек по происхождению. Его милосердие поражает своим размахом. Став патриархом, он первым делом велел составить список всех нуждающихся в Александрии — их оказалось около семи с половиной тысяч человек. Он ежедневно кормил их за счёт патриархии, выстроил странноприимные дома, больницы, родильный приют. Раздавал всё, что имел, до последней рубашки, и делал это открыто. Его милосердие — это организованная, всеохватная благотворительность, доходящая порой до юродства в самоотдаче.²⁴

Теперь посмотрим на праведную Иулианию Лазаревскую — русскую святую XVI века, мирянку, помещицу, мать семейства, жившую в провинциальном Муроме. Её милосердие совершенно иное. Оно не имеет никакого административного ресурса и патриаршей казны. Это милосердие сокрытое, домашнее. Она сама пряла нити, шила одежду и ночами относилась к нищим, чтобы никто не видел. Во время голода она тайком пекла хлеб и

раздавала его, скрывая свои добрые дела даже от семьи. Когда начиналась эпидемия, своими руками обмывала и хоронила умерших, за которыми боялись ухаживать даже родственники. Всё это Иулиания делала без всякой внешней поддержки, будучи при этом женой, матерью, хозяйкой дома. Святая скончалась в своей постели, оплаканная семьёй и нищими.²⁵

Зададим вопрос: кто из них прав? Чьё милосердие выше? Ответ очевиден: оба правы. Оба святы. Перед нами не «великий образец» и его «скромное подражание», а два самобытных лика одной и той же добродетели. Греческий патриарх дал образ милосердия открытого, явленного всем. Русская помещица дала образ милосердия сокровенного, повседневного, смиренно сокрытого за бытом.

При таком сопоставлении славяне начнут понимать: наша святость не беднее греческой — она иная. И это инаковость не от нехватки сил или благодати, а от различия даров Святого Духа. Тем самым снимается ложная иерархия «оригинал — копия» и воспитывается способность видеть многообразие внутри единства Предания. Это и есть «житийный диалог» — разговор двух святых, двух культур, двух ликов одной добродетели. Он не отменяет благодарности греческому Востоку, но он исцеляет от чувства вторичности, показывая, что мы — не эпигоны, а соратники.

Третий — «Достоинство». С точки зрения нравственного богословия в онтологическом смысле термин означает уникальность человека как образа Божьего, носителя нравственного и религиозного сознания, как неисчерпаемость, богатство и благолепие внутреннего мира человеческой личности, его облика и творческой деятельности. В этическом смысле достойный человек следует нравственному закону, доблестно исполняет долг и призвание. Религиозно-духовный смысл означает степень преображения человека Божественной благодатью.²⁶

Спросим: «Ты когда-нибудь чувствовал, что хочешь стать кем-то другим?». Скажем: «Зачем становиться чей-то копией? Бог создал тебя неповторимым, ты — оригинал. Библия открывает: “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его...” (Быт. 1, 27). Это значит, что в тебе с самого начала существует ценность — душа, “дыхание Бога”. Ты не должен заслуживать достоинство. Оно уже принадлежит тебе как образ Божий».

Спросим: «Легче делать добрые дела или злые?». Обычно отвечают, что добрые, но это не верно. Продолжим: «Вам легче учить уроки или лениться? Проще слушаться родителей или нет? Легче обидеться или простить? Проще признаться в плохом поступке или солгать?». В итоге обучающиеся осознают, что проще делать злые дела.

Спросим: «Теперь скажите, какие хорошие дела у вас получаются без усилий, легко?». Первый вариант: «У меня получается заниматься капоэйрой». Другой: «Я люблю вышивать вместе с мамой». Третий: «Мне с братом нравится ловить рыбу в пруду и кормить бездомных кошек с котятами».

Скажем: «Молодцы, каждый осознал свой личный дар. Это — то, что внутри тебя, Бог уже дал тебе способности. Ты не пустой, не бесполезный. Не гордитесь, а просто знайте, что вы уже умеете делать добрые дела. Продолжайте

далее развивать своё достоинство. Ты не только занимайся борьбой, а заступайся за слабых. Ты своим творческим даром рассказывай людям о добре через вышивку икон или красоты окружающего мира, а вы с братом можете угощать рыбой не только кошек, но и бедных людей».

Последний шаг. Соединим личное и народное. Пусть вспомнят интересные судьбы родных и знакомых. Скажем: «Ты живёшь не один, а принадлежишь к российскому народу. А значит, всё, что он достиг, — это и твоё наследство. Ты не случайно находишься здесь и сейчас. Продолжай искать ещё то доброе, что в тебе есть. Малое. Простое. И принеси это Богу и людям. Народное достоинство не только в учебниках истории. Оно состоит из больших и малых дел любви таких людей, как ты. Из тех, кто поступками своей жизни открывает величие Божьего дара, красоту души ближнего и почтение к подвигам предков».

Что воспитанник вынесет из такого разговора? Первое: я ценен сам по себе, не за оценки и не за заслуги, не за то, что я «правильный христианин». Я ценен по факту своего существования, как живая икона Бога. Второе: у меня есть свой дар. Третье: я — достойный наследник этого дара и могу его раскрыть в своём народе.

Позвольте завершить образом, прошедшим через всё наше рассуждение. Славянский мир — не музей разбитых греческих сокровищ, а плодородное поле, на котором из византийского зерна мы сами возделываем собственную колосющуюся ниву и наша общая педагогическая ответственность в том, чтобы показать равновеликую самостоятельную духовную ценность славянского православия, удивить самих себя новыми открытиями его культурного наследия и воспитывать личности, способные благодарно воспринимать, смело созидать и стремиться быть сынами своего Отечества и сынами Божьими.

¹ **Зарин С.М.** Аскетизмъ по православно-христiанскому ученiю. Этико-богословское изслѣдованiе. Т. I: Основоположительный. Кн. 2: Опыт систематического раскрытия вопроса. — Спб.: Тип. В.Θ. Киршбаума, 1907. — С. 168–179.

² **Иванов С.А.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? / Рос. Академия наук. Ин-т славяноведения. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 329.

³ Там же. — С. 333.

⁴ Там же. — С. 341.

⁵ **Алексеев С.В.** Мифы о Крещении Руси: интервью / беседовала редакция журнала «Фома» // Православный журнал «Фома». — 25.07.2013. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://foma.ru/mifyi-o-kreshhenii-rusi.html> (дата обращения: 12.05.2026).

⁶ Там же.

⁷ **Бен-Шломо Йосеф.** Введение в философию иудаизма / пер. с иврита М. и Л. Китросские; лит. обр. Т. Сегаль. — Иерусалим: Тарбут, 1994. — 103 с. —

[Электронный ресурс]. – URL: <https://avidreaders.ru/read-book/vvedenie-v-filosofiyu-iudaizma-1.html?p=41> (дата обращения: 13.05.2026).

- ⁸ **Устьян В.Г.** Святоотеческое видение проблемы достоинства человека в период Вселенских Соборов (IV—VIII вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). – Вып. 20. – С. 337.
- ⁹ **Архиепископ Антоний (Храповицкий).** О национализме и патриотизме // Волынские епархиальные ведомости. – 1909. – № 51–52. – С. 1015–1017.
- ¹⁰ **Перевезенцев С.В.** Все учение — жизнь. Преподобный Сергей Радонежский // Правмир. – 20.07.2020. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravmir.ru/vse-uchenie-zhizn/> (дата обращения: 13.05.2026).
- ¹¹ **Гаврилов И.Б.** Богословие истории преподобного Иустина (Поповича) в полемике с гуманизмом // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2022. – № 4 (16). – С. 31.
- ¹² Там же. – С. 31.
- ¹³ **Дамаскин (Орловский), архим.** Жития новомучеников — духовное лекарство, которое надо принимать всю жизнь: интервью / беседовала Мария Хорькова // Богослов.ru. – 04.03.2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://bogoslov.ru/materials/article/arkhimandrit-damaskin-orlovskii-zhitiya-novomuchenikov--dukhovnoe-lekarstvo-kotoroe-nado-prinimat-vsyu-zhizn> (дата обращения: 14.05.2026).
- ¹⁴ **Беглов А.Л.** Жизнь во Христе: уроки отечественной церковной истории XX столетия. (К осмыслению феномена новомучеников и исповедников Российских). [Доклад на VI-й Международная научно-богословская конференция Русской Православной Церкви «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи». Москва, 15–18 ноября 2010 г.] // Научный богословский портал «Богослов.Ру». – 23 ноября 2010 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://bogoslov.ru/materials/article/zhizn-vo-khriste-uroki-otechestvennoi-tserkovnoi-istorii-khkh-stoletiya-k-osmisleniyu-fenomena-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossiiskikh-1749188227358> (дата обращения: 14.05.2026).
- ¹⁵ **Майданский А.Д.** Понятие вращивания в теории развития высших психологических функций // Культурно-историческая психология. – 2024. – Том 20. – № 3. – С. 42. <https://doi.org/10.17759/chp.2024200304>.
- ¹⁶ **Выготский Л.С.** Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – С. 5–328.
- ¹⁷ **Выготский Л.С.** Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Научное наследство. – М.: Педагогика, 1984. – С. 71.
- ¹⁸ **Выготский Л.С.** Указ соч. – С. 5–328
- ¹⁹ **Выготский Л.С.** Воспитание чувств // Вестник практической психологии образования. – 2012. – № 9 (4). – С. 27. – [Электронный ресурс]. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Vygotsky (дата обращения: 15.05.2026).

- ²⁰ **Поход Олега на Константинополь** // История.РФ: главный исторический портал страны. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.ru/read/articles/pokhod-oliegha-na-konstantinopol-event> (дата обращения: 16.05.2026).
- ²¹ **Бибиков М.В.** Русь в Византийской дипломатии: Договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 1 (19). – С. 5–15. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_19_1.pdf (дата обращения: 15.05.2026).
- ²² **Покров Пресвятой Богородицы** // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2024. – Т. 57. – С. 55–62. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/2580872.html> (дата обращения: 15.05.2026).
- ²³ **Моторин А.В.** Образы Покрова Пресвятой Богородицы в русской словесности // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 84. – С. 17–20.
- ²⁴ **Димитрий Ростовский, свт.** Житие Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского // Жития святых: в 12 т. – [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/994 (дата обращения: 15.05.2026).
- ²⁵ **Житие святой Улиании Лазаревской — муромской чудотворицы.** / Жизнеописания достопамятных людей земли Русской, X–XX вв.: Сборник. Сост. С.С. Бычков. – М.: Моск. рабочий, 1992. // Православный календарь «Азбука веры». – [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhizneopisanija-dostopamjatyh-lyudej-zemli-russkoj-10-20-vv/25#source (дата обращения: 15.05.2026).
- ²⁶ **Платон (Игумнов), архим.** Православное нравственное богословие. – М., 1994. – [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon-Igumnov/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/7_2 (дата обращения: 15.05.2026).